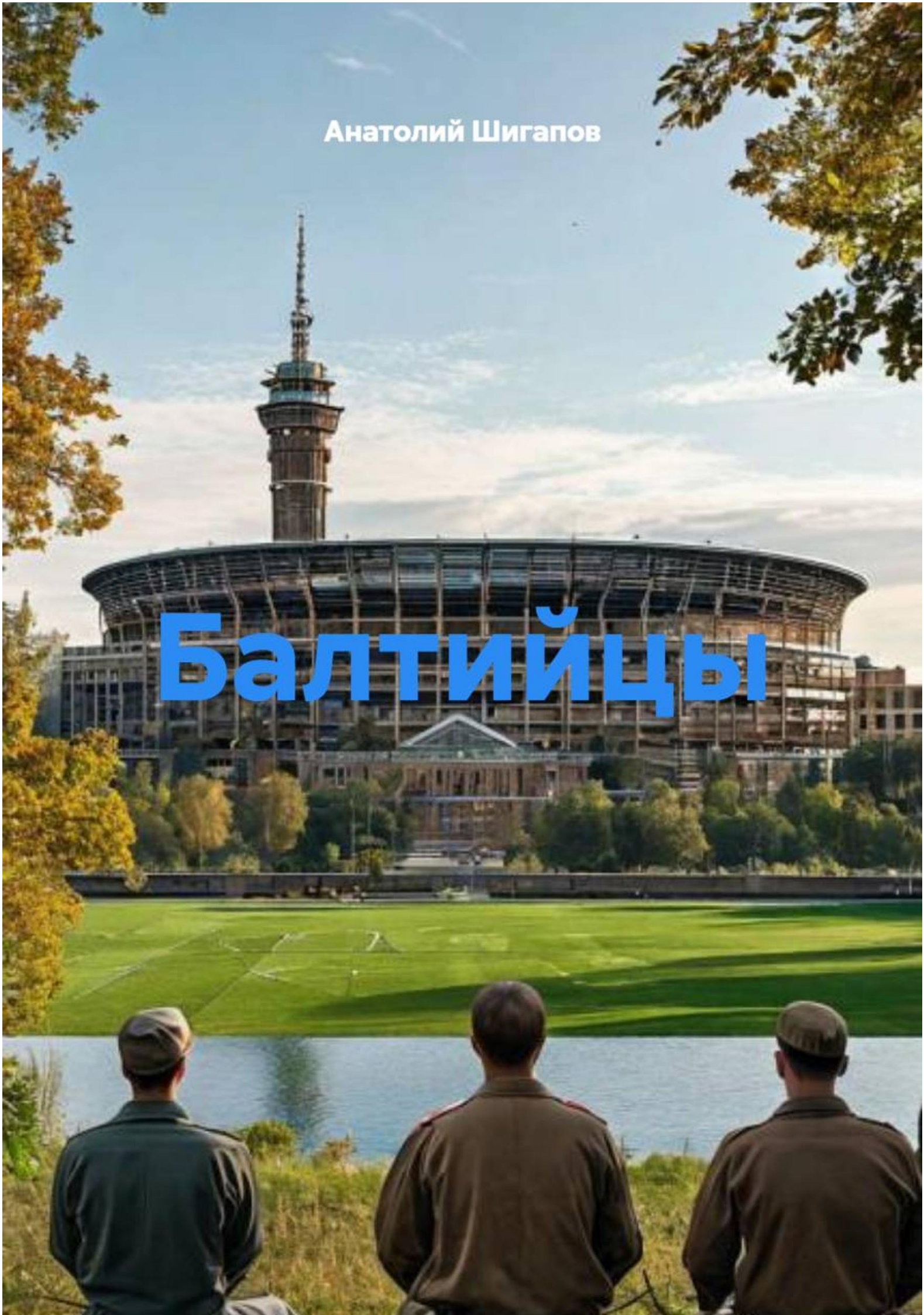

Анатолий Шигапов
Балтийцы

Анатолий Шигапов

Балтийцы

«Автор»
2026

Шигапов А.

Балтийцы / А. Шигапов — «Автор», 2026

Это история о том, как один старый шарф связал четыре поколения одной семьи. Всё началось в 1945-м, когда солдат Алексей Колосков штурмовал Кёнигсберг, а через девять лет пришёл на первый матч Пищевика. С тех пор футбол стал их языком, их верой, их жизнью. Его сын Фёдор прошёл Афганистан, внук Анатолий пережил выход в высшую лигу и вылет, а правнуки Василиса и Александр уже носят тот самый выцветший шарф на новом стадионе. Это книга не о футболистах и тренерах. Это книга о тех, кто сидит на трибуне. О тех, кто верит, когда все отвернулись, и передаёт эту веру дальше. Четыре смены. Одна семья. Одиннадцатый игрок ты.

© Шигапов А., 2026
© Автор, 2026

Анатолий Шигапов
Балтийцы

Посвящается

Всем болельщикам «Балтики» – тем, кто мёрз на деревянных трибунах стадиона «Динамо» в пятидесятых, кто ехал в переполненных поездах в Свердловск и Ригу, кто вставал в пять утра, чтобы занять место в очереди за билетами. Тем, кто не сдаётся, даже когда счёт не в нашу пользу. Тем, кто знает: настоящий болельщик – это не тот, кто кричит при победе, а тот, кто остаётся на трибуне, когда всё против. Вам посвящается.

Всем, кто носил и носит сине-белые шарфы – от старых, выцветших, связанных бабушкиными руками, до новых, с логотипом клуба. Тем, кто передал эту любовь детям, а те – своим детям. Тем, кто знает, что шарф – это не просто кусок ткани. Это память. Это связь. Это кровь. Вам посвящается.

Тем, кто ездил на выезды в девяностые, когда денег не было, а вера была. Тем, кто ночевал на вокзалах, кто мёрз на чужих стадионах, кто кричал до хрипоты, чтобы свои услышали. Тем, кто знает, что такое настоящий фанат – не тот, кто идёт за победой, а тот, кто идёт за командой. Вам посвящается.

Ветеранам Великой Отечественной, которые штурмовали Кёнигсберг и остались здесь, чтобы строить новую жизнь. Тем, кто пришёл на первый матч «Пищевика» в 1954-м, кто сеял траву на старом стадионе, кто стоял у истоков. Тем, кто передал нам любовь к этому городу, к этой земле, к этой команде. Вам посвящается.

Ветеранам Афганистана, которые вернулись с войны и нашли утешение на трибуне. Тем, для кого футбол стал спасением, кто научился жить заново, кто не сдался. Тем, кто знает, что такое настоящая мужская дружба, настоящая верность, настоящая боль. Вам посвящается.

Ветеранам специальной военной операции, которые сегодня возвращаются домой и снова слышат «Вперёд, Балтика!». Тем, кто защищал и защищает нашу страну, кто смотрит на стадион из госпиталей, кто верит, что всё будет хорошо. Тем, кто знает, что такое долг, честь, отвага. Вам посвящается.

Тренерам – от Петра Захарова, который в 1954 году вывел «Пищевик» на первое поле, до Корнея Шперлинга, который поднял команду из второй лиги в первую, до Леонида Ткаченко, который вывел «Балтику» в высшую лигу в 1995-м, до Сергея Игнашевича, который вернул её туда спустя двадцать пять лет, до Андрея Талалаева, который принёс первый трофей за тридцать лет. Тем, кто не спит ночами, разбирая тактику. Тем, кто верит в своих игроков, даже когда никто не верит. Вам посвящается.

Игрокам – всем, кто выходил на поле в бело-синей форме с буквой «Б» на груди. Тем, кто забивал победные голы и тем, кто пахал в защите, не набирая очков. Тем, кто играл на уколах, кто возвращался после тяжёлых травм, кто не сдавался даже в самых безнадёжных матчах. Вы – те, ради кого всё это. Вы – те, кого мы помним по именам и фамилиям. Вам посвящается.

Сотрудникам стадиона – тем, кто заливает поле, кто убирает трибуны после матчей, кто продаёт билеты, кто включает свет за час до игры и гасит его, когда стадион пустеет. Вас не видно с трибуны, но без вас не было бы праздника. Вы создаёте атмосферу. Вы делаете футбол возможным. Вам посвящается.

Врачам, массажистам, экипировщикам, администраторам, водителям автобусов – всем, кто делает жизнь команды возможной за пределами поля. Ваш труд часто остаётся незамеченным, но без него не было бы побед. Вы – те, кто возвращает игроков на поле после травм. Вы – те, кто везёт команду через всю страну. Вы – те, кто стирает форму после матчей, кто чинит бутсы, кто готовит обед. Вам посвящается.

Соперникам – потому что без вас не было бы игры. Тем, кто выходил против «Балтики» и заставлял её становиться сильнее. Тем, с кем мы бились в финалах, в Кубках, в чемпионатах. Тем, кто дарил нам самые драматичные матчи, самые красивые голы, самую настоящую борьбу. Уважение и благодарность вам. Вы делаете футбол великим.

Правительству Калининградской области – за ту поддержку, которая позволяет команде расти и побеждать. За то, что «Балтика» стала не просто клубом, а символом региона, его гордостью. За то, что вы верите в футбол так же, как верили те, кто стоял у истоков. Вам посвящается.

России – стране, которая знает, что такое настоящий футбол. Стране, где этот вид спорта стал чем-то большим, чем просто игра. Где на поле воспитывают характер, закаляют волю, учат не сдаваться. Где футбол – это часть национальной души. Тебе посвящается.

Городу Калининграду – самому западному форпосту страны, городу, который помнит и Кёнигсберг, и штурм, и восстановление, и новый стадион. Городу, где ветер с Балтики приносит запах моря и свободы. Городу, где футбол всегда был чем-то большим, чем просто игра. Тебе посвящается.

И тебе, читатель. Одиннадцатому игроку. Всегда.

Дорогой читатель!

Книга, которую ты держишь в руках, начинается в апреле 1945 года, когда молодой сержант Алексей Колосков штурмовал Кёнигсберг. Тот день, когда над фортом № 5 подняли красный флаг, стал началом новой жизни для него. Для города, который скоро назовут Калининградом. Для страны, которая только начинала заживать после самой страшной войны.

Но настоящая история, которую я хочу тебе рассказать, началась не в сорок пятом. Она началась 23 августа 1954 года, когда на стадионе «Динамо» впервые сыграла футбольная команда «Пищевик». Алексей пришёл на тот матч с братом Григорием, и с того дня футбол стал частью их жизни. Частью, которая передавалась из поколения в поколение. От Алексея – его сыну Фёдору. От Фёдора – его сыновьям Анатолию и Дмитрию. От Анатолия – его детям Василисе и Александру.

Четыре поколения. Четыре смены.

В хоккее, который так любят в Казани, есть понятие «пятерка». Пять игроков на льду. Но есть ещё один – тот, кто сидит на трибуне. Тот, кто кричит, верит, ждёт. Тот, кто не сдаётся, даже когда счёт не в нашу пользу. Тот, кто передаёт эту веру своим детям. Двенадцатый игрок.

В футболе, о котором эта книга, всё то же самое. Есть одиннадцать игроков на поле. И есть одиннадцатый – тот, кто на трибуне. Тот, кто никогда не уходит, даже когда все уходят. Тот, кто остаётся. Навсегда.

Я не был на том первом матче «Пищевика» в 1954 году. Меня не было даже в проекте, когда Алексей Колосков впервые услышал крик «Гол!» на деревянных трибунах. Но я сидел на «Ростех Арене» в мае 2026-го, смотрел, как «Балтика» борется за место в еврокубках, и думал: а что, если бы кто-то записал эту историю? Что, если бы мы могли проследить путь от самодельных мячей и деревянных скамеек до сверкающей арены на берегу Преголи? Что, если бы мы могли увидеть не только статистику побед и поражений, но и живые лица, живые судьбы, живую веру?

Так родилась эта книга.

Она не о футболе в том смысле, в каком о нём пишут спортивные журналисты. Здесь почти нет подробных отчётов о матчах – хотя они есть, и их много. Здесь нет глубокого тактического анализа – хотя он иногда проглядывает в спорах героев. Здесь есть то, что обычно остаётся за кадром: люди, которые сидят на трибунах. Люди, которые приходят на стадион в дождь и снег. Люди, которые ждут, верят, сомневаются, плачут и смеются. Потому что футбол – это не только игроки. Это все мы.

Я вырос в семье, где футбол был не просто игрой, а языком общения. Мой дед рассказывал мне о матчах 1960-х так, будто сам в них играл. Мой отец помнил каждую поездку на выезд в лихие девяностые. Я сам, ещё мальчишкой, стоял у радиоприёмника и слушал финал Кубка России. А теперь я смотрю, как мои дети надевают сине-белые шарфы и кричат «Вперёд, Балтика!», и понимаю: история не заканчивается. Она продолжается.

Семья Колосковых – не выдумка. Она есть в каждом городе, в каждом дворе, на каждой трибуне. Алексей, который прошёл войну и нашёл утешение в футболе. Ираида, которая пекла пирожки и верила. Григорий, который судил матчи честно, как на войне. Фёдор, который воевал в Афганистане и вернулся, чтобы возить команду. Любовь, которая лечила игроков. Анатолий, который вырос на трибуне и остался там навсегда. Елена, которая сохранила память. Дмитрий, который уходил на СВО и вернулся, чтобы учить мальчишек. Василиса, которая записывает каждый матч в свой блокнот. Александр, который только начинает свой путь. Это собирательные образы. Но их истории, их боль и радость, их вера и разочарования – всё это правда. Правда, которую я собирал по крупицам: в разговорах со старыми болельщиками, в пожелтевших газетах, в архивных фотографиях, где лица людей на трибунах часто интереснее, чем игра на поле.

Я понимаю, что мог ошибиться. Мог что-то забыть, что-то перепутать, что-то приукрасить. История, которая длится семьдесят лет, не укладывается в идеальные схемы. Но я старался. Я перечитывал газеты, смотрел старые фотографии, разговаривал с людьми, которые помнят то, что я уже никогда не увижу. Я пытался быть честным. И я надеюсь, что мне это удалось.

О чём эта книга на самом деле?

На первый взгляд, она о футбольном клубе «Балтика» – о его взлётах и падениях, о его тренерах и игроках, о его титулах и поражениях. Но на самом деле она о другом. Она о том, как люди остаются людьми, даже когда вокруг рушится всё. О том, как любовь к одной команде может объединить поколения. О том, как важно уметь проигрывать, чтобы потом выигрывать. О том, что победа – это не всегда первое место, а иногда – просто умение встать после падения и идти дальше.

Почему книга называется «Балтика. Четыре смены»?

Потому что в футболе, как и в жизни, смены сменяют друг друга. Игроки выходят на поле, играют свои девяносто минут, а потом уступают место другим. Так было всегда. И так будет всегда.

Но есть те, кто никогда не уходит. Те, кто остаётся на трибуне. Те, кто передаёт шарф из рук в руки – от отца к сыну, от деда к внуку, от прадеда к правнуку.

В этой книге – четыре смены.

Первая – Алексей, Ираида, Григорий. Они стояли у истоков. Они видели первый матч «Пищевика» в 1954-м. Они верили, когда никто не верил.

Вторая – Фёдор, Любовь. Он прошёл Афганистан, вернулся с болью в душе, но нашёл утешение на трибуне. Она лечила игроков, когда в клубе не было денег на врачей. Вместе они передали любовь к футболу своим детям.

Третья – Анатолий, Елена, Дмитрий. Они застали лихие девяностые, когда клуб едва не погиб, и нулевые, когда «Балтика» училась выживать. Анатолий и Дмитрий стали болельщиками, как их отец. Елена сохранила историю, чтобы никто не забыл.

Четвёртая – Василиса, Александр. Они растут уже на новом стадионе, на «Ростех Арене». Василиса записывает каждый матч в свой блокнот. Александр учится кричать «Вперёд, Балтика!». Они – будущее. Они – продолжение.

Четыре смены. Четыре поколения. Одна семья.

Но есть ещё одна смена. Пятая.

Это те, кто заливает поле зимой, когда газон покрывается инеем. Те, кто убирает трибуны после матчей и находит под сиденьями забытые шарфы. Те, кто продаёт пирожки в буфете, кто проверяет билеты на входе, кто включает свет за час до игры и гасит его, когда стадион пустеет.

Это тренеры – от Петра Захарова, который в 1954 году вывел «Пищевик» на первое поле, до Леонида Ткаченко, который поднял команду в высшую лигу в девяносто пятом, до Сергея Игнашевича, который вернул её туда спустя четверть века, до Андрея Талалаева, который выиграл первый трофей за тридцать лет.

Это врачи, массажисты, экипировщики, администраторы, водители автобусов – все, кто делает футбол возможным. Кого не видно с трибуны, но без кого не было бы праздника.

Это соперники, которые приходили на стадион «Балтика» и уходили с поля, уважая калининградский характер.

Это город Калининград – самый западный форпост России, где футбол всегда был чем-то большим, чем просто игра. Где на трибунах сидели те, кто брал Кёнигсберг, кто восстанавливал его из руин, кто строил новые корабли на «Янтаре», кто ловил рыбу в Балтийском море.

Это – все мы.

И это – ты, читатель.

Ты, который сейчас открыл эту книгу. Ты, который, возможно, никогда не был в Калининграде, но слышал, как на «Ростех Арене» поют «Вперёд, Балтика!». Ты, кто помнит старый стадион на Дмитрия Донского и тот матч, когда «Балтика» обыграла «Спартак». Ты, кто не сдаётся, даже когда команда проигрывает, и остаётся на трибуне, когда все уходят.

Ты – одиннадцатый игрок. Всегда.

И эта книга – тебе. Тому, кто верит. Тому, кто ждёт. Тому, кто передаёт дальше.

Выходи на стадион. Твоя смена – следующая.

С уважением и благодарностью, твой болельщик,
Анатолий Шигапов

Пролог. Одиннадцатый игрок

Калининград, «Ростех Арена», 17 мая 2026 года

Александр Колосков сидел на плечах у отца и смотрел вверх. Там, на самом верху новой арены, где стеклянные стены встречались с облаками, кружили чайки. Они прилетали с залива, и мальчик каждый раз удивлялся, как им удаётся не запутаться в металлических фермах крыши.

– Пап, а они болеют? – спросил он, показывая на птиц.

– Чайки? – Анатолий улыбнулся, поправил на плече сына старый выцветший шарф. – Наверное. Они всегда прилетают, когда «Балтика» играет. Ещё с тех времён, когда стадион был другим.

– А деда Фёдор говорил, что раньше на старом стадионе воробьи на трибунах жили. И когда забивали гол, они взлетали все сразу.

– Деда Фёдор много чего говорил. – Анатолий взъерошил сыну волосы. – Пойдём, нас уже ждут.

Они поднялись по широким лестницам на второй ярус. Там, у самого края, где открывался лучший вид на поле, сидели родные. Любовь – старенькая, в коляске, которую прикатил Дмитрий, – занимала своё привычное место у прохода. Рядом с ней, поправляя плед, сидела Елена. Чуть дальше – Дмитрий, с тростью, но уже бодрый, и Василиса, с блокнотом, куда она записывала всё, что видит.

Анатолий посадил Сашу на колени к прабабушке Любови.

– Ну что, правнук, – сказала Любовь, гладя его по голове. – Смотри, сейчас начнётся.

– Сегодня важная игра? – спросил Саша.

– Самая важная в этом сезоне, – ответил Анатолий. – «Балтика» идёт на пятом месте. Если выиграем – можем зацепиться за медали.

– А если проиграем?

– Не проиграем, – твёрдо сказал Дмитрий. – Я чувствую.

– Откуда ты знаешь? – спросила Василиса.

– Я всегда знаю, – усмехнулся Дмитрий. – Это у нас семейное.

Из тоннеля показались игроки в бело-синей форме. Стадион вздохнул, а потом заревел – так громко, что Саша невольно прижался к Любови. Десятки тысяч голосов слились в один, и этот звук был похож на ветер, который когда-то приносил с Балтики запах соли и водорослей.

Саша посмотрел на пустое место рядом с Любовью. Ему показалось, что там кто-то есть. Невидимый, но тёплый. Он улыбнулся и крикнул вместе со всеми:

– Балтика! Вперёд!

Дорогой читатель!

Ты держишь в руках книгу, которую я писал несколько лет. Но на самом деле её писали не я. Её писали люди, которых ты сейчас встретишь на этих страницах. И главный из них – не я и не герои этой истории. Главный – ты.

Каждый, кто когда-либо приходил на стадион «Балтика» (тогда он назывался по-другому), кто ехал на выезд в переполненной электричке, кто слушал матч по радио, прижавшись к приёмнику, кто плакал, когда команда проигрывала, и кричал, когда выигрывала, – каждый из них соавтор этой книги.

Я просто записал то, что мне рассказали.

Семья Колосковых – не выдумка. Она есть в каждом городе, в каждом дворе, на каждой трибуне. Десять человек, которые носят одну фамилию (или вошли в семью), и каждый из них оставил свой след на трибуне.

Вот они, эти десять:

Алексей Колосков (1924–2005). Ветеран Великой Отечественной. Участник штурма Кёнигсберга. После войны остался в Калининграде. Болельщик с 1954 года. Его первым матчем стала игра «Пищевика» на стадионе «Динамо» 23 августа 1954 года.

Ираида Колоскова (1928–2010). Жена Алексея. Познакомились они в 1955-м, и она сразу полюбила футбол. Ходила на все домашние матчи, пекла пирожки для домашних просмотров. Вместе с Алексеем передала любовь к «Балтике» детям.

Григорий Колосков (1918–1985). Брат Алексея. Фронтовик, инвалид войны. Футбол любил страстно, спорил до хрипоты, разбирал каждую игру. Сидел на трибуне рядом с братом до самой смерти.

Фёдор Колосков (1950–2022). Сын Алексея и Ираиды. Ветеран Афганистана. Вернувшись с войны, нашёл утешение в футболе. Ходил на все домашние матчи «Балтики», а в 1990-х ездил на выезды с первыми калининградскими фанатами.

Любовь Колоскова (род. 1951). Жена Фёдора. Медсестра по профессии, но болельщик по призванию. На стадион ходила с мужем, позже – с сыновьями.

Анатолий Колосков (род. 1978). Сын Фёдора и Любови. Фанат 1990-х, пережил вместе с «Балтикой» и взлёты, и падения. Продолжил семейную традицию, приучил к футболу жену и детей.

Елена Колоскова (род. 1987). Жена Анатолия. Историк, но не клубный – просто увлекается историей калининградского футбола. Стала болельщицей благодаря мужу, теперь не пропускает матчи.

Дмитрий Колосков (род. 1982). Брат Анатолия. В детстве занимался футболом, но травма помешала карьере. В 2022 году уходил добровольцем на СВО, вернулся с ранением. Его возвращение к мирной жизни было отмечено походом на стадион – это стало семейным праздником.

Василиса Колоскова (род. декабрь 2014). Дочь Анатолия и Елены. С раннего детства ходит на стадион. Ведёт свой дневник болельщика, записывает впечатления о матчах.

Александр Колосков (род. январь 2021). Сын Анатолия и Елены. Самый младший в семье. Первый матч посетил в годовалом возрасте на руках у отца. Теперь, в пять лет, уже осознанно кричит «Вперёд, Балтика!».

Четыре смены. Первая – Алексей, Ираида, Григорий. Вторая – Фёдор, Любовь. Третья – Анатолий, Елена, Дмитрий. Четвёртая – Василиса, Александр.

Десять человек. Одна семья. Одна команда.

И есть ещё одна смена. Пятая. Она не вписана в семейное древо, но без неё не было бы ни этой книги, ни самого клуба.

Это те, кто приходит на стадион в дождь и снег, кто стоит в очередях за билетами, кто учит детей кричать «Вперёд, Балтика!». Это все, кто верит, даже когда команда проигрывает. Это – ты, читатель.

Ты – одиннадцатый игрок. Всегда.

Глава 1. 1945. Штурм Кёнигсберга

Алексей Колосков не помнил, когда перестал бояться. Может быть, после первого боя, когда пуля прошла в сантиметре от виска и он понял, что смерть – это не страшно. Страшно – не успеть. Не успеть вернуться домой, не успеть сказать матери, что жив, не успеть построить тот самый дом, о котором они мечтали с отцом ещё до войны.

Сейчас, в апреле сорок пятого, он думал о другом. Он думал о том, что этот город, который они штурмовали уже третьи сутки, когда-нибудь станет нашим. И он, Алексей, будет жить здесь. Почему-то он был в этом уверен.

Вокруг рвались снаряды. Земля взлетала вверх, падала обратно, и воздух был такой плотный, что казалось, его можно резать ножом. Форт № 5 – это была главная преграда. Говорили, что немцы заминировали всё вокруг, что каждый метр простреливается, что здесь легли уже сотни наших. Алексей видел их – лежали в воронках, уткнувшись лицами в грязь, в бинтах, в шинелях, пробитых осколками. Свои. Чужие. В этой мясорубке уже не различали.

– Колосков! – крикнул командир. – За мной!

Он побежал, пригибаясь. Рядом бежали другие – такие же молодые, такие же напуганные, такие же злые. Он не думал о том, что будет дальше. Он просто бежал, стрелял, падал, вставал снова. Один раз упал рядом с молодым парнем, который лежал ничком, раскинув руки. Лица не разглядеть, но из-под каски текла кровь, густая, тёмная. Алексей оттолкнулся, побежал дальше. Нельзя останавливаться.

Потом был рывок к стене форта, граната в амбразуру, взрыв, крики, снова стрельба. И – тишина.

Когда всё кончилось – когда форт пал, а над ним подняли красный флаг, – Алексей сел на землю и долго смотрел на свои руки. Они были в крови. Не своей – чужой. Он не знал, чья это кровь – друга или врага, и в тот момент ему было всё равно. Он просто сидел и дышал. Воздух был горьким, пороховым, с примесью чего-то сладковатого – разрывные пули, которые они применяли, оставляли такой запах.

– Живой? – рядом опустился старшина, протянул фляжку. Сам старшина был грязный, с повязкой на голове, из-под которой сочилась кровь, но он улыбался.

– Живой, – Алексей сделал глоток. Вода была тёплой, пахла железом.

– А город, – старшина кивнул в сторону разрушенных кварталов, – красивый был. Говорят, там, – он махнул рукой куда-то вдаль, – замки, соборы. Кант там жил.

– Кто?

– Философ. Немецкий. – Старшина усмехнулся. – Теперь наш.

Алексей ничего не ответил. Он смотрел на дым, который поднимался над городом, и думал о том, что война для него кончилась. Не для всех, но для него – да. Он выжил.

День закончился, наступила ночь. Алексей сидел у костра, на котором грели консервы, и смотрел на огонь. Рядом сидел Григорий, его старший брат. Григорий был на шесть лет старше, и они воевали в одной части – случайность, о которой потом говорили, что это судьба.

– Ты как? – спросил Григорий.

– Нормально, – ответил Алексей.

– Врёшь, – Григорий усмехнулся. – Я тоже нормально. Только руки трясутся.

Алексей посмотрел на свои руки. Они действительно дрожали.

– Это пройдёт, – сказал Григорий. – У меня после Берлина тоже тряслись. Пройдёт.

Они замолчали. Вокруг спали солдаты, кто-то храпел, кто-то стонал во сне. Где-то далеко ухали орудия – добивали последние очаги сопротивления. Но здесь, у этого костра, было тихо.

– Ты думал, что будет после войны? – спросил Алексей.

– Думал, – ответил Григорий. – Домой вернусь. Мать обрадую.

– Мать умерла, – тихо сказал Алексей.

Григорий резко поднял голову.

– Что?

– Письмо пришло. В декабре. Мать умерла.

Григорий долго молчал. Потом достал кисет, начал скручивать цигарку. Руки у него дрожали сильнее, чем у Алексея.

– А отец?

– Под Ржевом, в сорок втором.

Григорий закурил, выпустил дым, долго смотрел на огонь.

– Значит, некуда возвращаться, – сказал он.

– Некуда, – согласился Алексей.

– Тогда останемся здесь. Город отстроим. Новую жизнь начнём.

Алексей посмотрел на брата. В темноте лица было не разглядеть, но голос звучал твёрдо.

– Останемся, – сказал Алексей.

Потом были дни, недели, месяцы. Алексей не сразу ушёл из армии – служил в комендатуре, помогал разбирать завалы, хоронить убитых. Город постепенно оживал. По улицам ходили немцы – усталые, испуганные, но уже не враги. Они работали на разборке руин, чинили дороги, открывали лавки. Алексей смотрел на них и не чувствовал ненависти. Только усталость.

В сорок седьмом его демобилизовали. Вместе с Григорием они остались в Калининграде. Город, который они штурмовали, стал для них единственным домом. Устроились на завод, потом в порт, потом – куда только не брали. Спали в общежитии, ели в столовой, пили горькую по выходным.

Григорий получил осколок в ногу под Берлином, теперь хромал. Врачи говорили, что можно вырезать, но Григорий отмахивался: «Потом. Сейчас не до того». Работал на заводе, как и Алексей, – слесарем. Вечерами сидели на крыльце, курили, смотрели на звёзды.

– Ты бы женился, – сказал Григорий однажды.

– А ты? – спросил Алексей.

– Я хромой, кто меня возьмёт?

– Я пустой, кто меня возьмёт?

Григорий посмотрел на него долгим взглядом, ничего не сказал. Они понимали друг друга без слов.

В 1954 году жизнь Алексея изменилась. Не потому, что случилось что-то великое. Просто однажды, возвращаясь с работы, он увидел афишу. Большой лист бумаги, наклеенный на забор, с крупными буквами:

23 августа. Стадион «Динамо». Первый матч футбольной команды «Пищевик» (Калининград) – «Красная звезда» (Калининград). Начало в 17:00.

Алексей остановился. Футбол. Он помнил футбол – до войны, в деревне, они гоняли тряпичный мяч на выгоне. Григорий всегда был заводилой, бегал быстрее всех, бил сильнее. Потом война, потом ничего. А теперь вот – стадион, команда, игра.

Он сорвал афишу, сложил в карман. Вечером показал Григорию.

– Пойдём?

– Пойдём, – ответил Григорий.

23 августа 1954 года. Стадион «Динамо».

Стадион был построен ещё до войны, немцами. Потом его разбомбили, потом восстановили кое-как. Деревянные трибуны, сколоченные из досок, оставшихся от немецких построек, держались на честном слове. Поле – неровное, с ямами, с рытвинами, местами песок выступал наружу. Ворота – металлические трубы, покрашенные белой краской, с сеткой, которую, говорят, сплели рыбаки в порту.

Но народу собралось много. Очень много. Алексей, привыкший к пустоте общежития и цеха, растерялся. Люди шли сплошным потоком: мужчины в кепках и пиджаках, женщины в платках, дети на плечах у отцов. Пахло махоркой, дешёвым одеколоном, предвкушением.

– Ты смотри, сколько народу, – сказал Григорий, оглядываясь. Он опирался на палку, но шёл быстро, почти не хромая.

– Весь город, – ответил Алексей.

Они встали в очередь у входа. Перед ними – двое парней в рабочих спецовках, с завода «Янтарь», как они потом узнали. Переговаривались, смеялись, спорили о составе.

– Говорят, вратаря из Ленинграда привезли. Специально для «Пищевика».

– А нападающие наши, местные. С рыбацкого флота.

– Ну, посмотрим.

Билеты стоили копейки, но Алексей достал мелочь, отсчитал, взял два. Внутри стадион казался огромным. Трибуны уходили вверх, и оттуда, с верхних рядов, было видно всё поле. Алексей и Григорий поднялись повыше, сели на деревянную скамейку, сколоченную из грубых досок.

– Ну, – сказал Григорий, – рассказывай, что знаешь про футбол.

– Ничего не знаю, – признался Алексей.

– Я тоже, – усмехнулся Григорий. – Будем учиться.

За полчаса до начала трибуны заполнились до отказа. Люди стояли в проходах, сидели на ступеньках, висели на ограждении. Алексей насчитал – потом уже, на заводе, узнал точно – больше десяти тысяч человек. При официальной вместимости в двенадцать тысяч.

Игра началась ровно в пять.

На поле вышли двадцать два человека. У одних форма была настоящая – футболки с воротником, трусы, гетры. У других – гимнастёрки, закатанные рукава, обычные ботинки вместо бутс. Вратарь «Пищевика» стоял в кепке и свитере, на коленях – какие-то самодельные щитки из фанеры.

– Где же форма? – спросил кто-то сзади.

– А где её взять? – ответили ему. – Не в Москве живём.

Свисток судьи – и мяч в игре.

Первый тайм прошёл в неспешных атаках. Техники было мало: игроки часто ошибались в пасах, мяч уходил в аут, нападающие били мимо ворот. Но азарт был настоящий. Каждое единоборство встречали криками, каждый удар – вздохом трибун.

На тридцатой минуте нападающий «Пищевика» в синей футболке получил мяч у центральной линии. Он был невысоким, коренастым, с широкими плечами. Алексей потом узнал

его фамилию – его называли то ли Петров, то ли Смирнов, точно никто не помнил. Но в тот момент он был просто парень в синей футболке.

Он пошёл вперёд. Прошёл одного защитника – тот зацепился ногами, упал. Второй попытался отобрать, но нападающий резко ушёл вправо, ускользнув от подката. Третий встретил его у штрафной, они столкнулись, оба упали. Мяч отскочил к центру, но нападающий вскочил первым, догнал, пробил с угла штрафной.

Мяч летел медленно, по дуге, и казалось, вратарь его возьмёт. Но вратарь, в своей кепке и свитере, почему-то не дотянулся. Мяч задел его пальцы, изменил траекторию и упал в сетку за линией ворот.

Тишина. Секунда. Две.

А потом стадион взорвался.

Алексей вскочил, закричал, не понимая, что кричит. Рядом Григорий тоже кричал, хлопал брата по плечу. Вокруг кричали все – незнакомые люди, которые вдруг стали своими. Женщина в платке плакала. Мужчина в кепке обнимал соседа. Кто-то свистел, кто-то топал, кто-то просто орал от восторга.

– Го-о-ол! – неслось над трибунами. – Го-о-ол!

На поле игроки обнимались, нападающего в синей футболке подняли на руки. Он улыбался, счастливый, и размахивал руками.

– Запомни этот день, – сказал Григорий, когда шум немного утих. – Может, это начало чего-то большого.

– Ты думаешь? – спросил Алексей, всё ещё не веря своим глазам.

– Чувствую.

Второй тайм «Красная звезда» пыталась отыграться, но «Пищевик» держался. Вратарь в кепке, которого дразнили «кепкой», вытащил два сложных мяча. Защитники пахали, не жалея себя. А нападающие, уставшие, но злые, всё ещё бежали вперёд, когда был шанс.

Матч закончился 1:0.

После финального свистка Алексей и Григорий долго сидели на трибуне. Стадион пустел медленно, люди не хотели уходить, обсуждали игру, спорили, смеялись.

– Это было что-то, – сказал Алексей.

– Это был футбол, – ответил Григорий. – Настоящий.

Они вышли со стадиона, когда уже стемнело. Город, ещё недавно чужой и страшный, теперь казался другим. Над улицами витал запах моря, где-то играла гармонь, люди шли с флагами, с улыбками.

– Пойдём ещё? – спросил Григорий.

– Пойдём, – ответил Алексей. – Я теперь всегда буду сюда ходить.

– Я с тобой, – сказал Григорий.

Они шли по улице Дмитрия Донского, и Алексей думал о том, что, может быть, эта игра – то самое, чего ему не хватало. Не работа, не водка, не пустота. А вот это – трибуны, крики, победа. Что-то общее, что-то, что делает людей людьми.

Дома, в комнате общежития, Григорий долго не мог уснуть. Он лежал на койке, смотрел в потолок, и Алексей слышал его дыхание – прерывистое, нервное.

– Гриша, ты чего? – спросил Алексей.

– Думаю, – ответил Григорий. – Там, на войне, я не чувствовал себя живым. А сегодня – почувствовал. Когда гол забили.

Алексей помолчал.

– Я тоже, – сказал он.

– Значит, теперь у нас есть что-то, ради чего стоит жить, – сказал Григорий. – Футбол.

– Футбол, – повторил Алексей.

Они замолчали. За окном шумел город, где-то лаяли собаки, кричали пьяные матросы. Но в комнате было тихо и спокойно. Впервые за много лет.

1955 год. Алексей познакомился с Ираидой. Это случилось в заводской столовой, где она работала раздатчицей. Алексей пришёл на обед, как всегда, взял поднос, суп, кашу, компот. Ираида стояла за стойкой, невысокая, круглолицая, с тёмными глазами и руками, которые, казалось, пахли тестом даже здесь, среди щей и котлет.

– Ещё? – спросила она, когда Алексей опустошил тарелку.

– Ещё, – ответил он.

– А деньги есть?

– Есть.

Ираида налила, поставила перед ним, сама села рядом на лавку.

– Ты который здесь работаешь?

– Третий год.

– А на футбол ходишь?

Алексей поднял голову. Вопрос был неожиданным.

– Хожу. А ты?

– А я нет. Но хотела бы. Сводишь?

– Сведу.

Через неделю они сидели на трибуне стадиона «Динамо». Ираида пришла в платке и длинной юбке, стеснялась, но уже на пятой минуте забыла обо всём. Кричала громче мужа, спорила с соседями, хлопала в ладоши.

– Тебе нравится? – спросил Алексей.

– Очень, – ответила Ираида. – Я теперь всегда с тобой буду ходить.

Они поженились в том же году. Свадьба была скромная – расписались в загсе, посидели с Григорием, выпили по рюмке. Ираида переехала к Алексею в общежитие, повесила занавески, принесла цветы в горшках.

– Теперь у нас семья, – сказал Григорий, поднимая рюмку. – И футбол в ней – главное.

– Футбол? – удивилась Ираида.

– А что? – Григорий усмехнулся. – Без футбола Алексей не живёт. И ты теперь тоже.

Ираида не спорила. Она действительно полюбила футбол. Каждый домашний матч «Пищевика» (а с 1958 года – «Балтики») Колосковы посещали в полном составе: Алексей, Ираида, Григорий. Григорий со своей хромотой взбирался на трибуну, садился на своё любимое место у прохода, чтобы не мешать другим, и смотрел футбол с таким серьёзным лицом, будто от этого зависела судьба страны.

– Ты чего такой хмурый? – спрашивал Алексей.

– Судью бы поменял, – отвечал Григорий. – Этот не видит, как наши страдают.

– Ты бы сам судил?

– Не могу. Нога не та.

Он не судил, но любил разбирать игры после матчей, сидя на кухне, с кружкой чая. Ираида пекла пирожки, и пока они остывали, Григорий объяснял брату, где нападающий должен был отдать пас, а где – пробить самому.

– Вот смотри, – говорил Григорий, расставляя на столе спички. – Здесь был Петров, здесь Смирнов. А передачу надо было не в центр, а на фланг. Тогда бы гол был.

– А кто забил? – спрашивал Алексей, подыгрывая брату.

– Козлов. Вон, видишь, спичка у ворот.

– А почему он забил?

– Потому что он хотел больше всех.

Алексей слушал, спорил, соглашался. Это был их семейный ритуал, который повторялся после каждого матча.

1960 год. У Алексея и Ираиды родился сын. Назвали Фёдором – в честь отца Алексея, погибшего под Ржевом. Мальчик рос на трибуне. Алексей носил его на плечах, показывал поле, учил считать голы.

– Пап, а когда я вырасту, буду играть за «Балтику»? – спрашивал маленький Фёдор.

– Будешь, – отвечал Алексей. – Если захочешь.

Фёдор хотел. Но в футболе ему было не суждено состояться – он вырос, пошёл в армию, а в 1979 году попал в Афганистан. Вернулся оттуда другим: жёстким, молчаливым, с сединой на висках. Но на стадион ходил с отцом, когда был в Калининграде.

– Пап, – сказал он однажды, сидя на трибуне. – Там, в горах, я часто вспоминал наш стадион. Думал: вот бы сейчас матч посмотреть.

– А теперь смотри, – ответил Алексей. – Теперь ты дома.

Фёдор смотрел. И потихоньку оттаивал.

Глава 2. 1954. Первый матч «Пищевика»

Июль 1954 года выдался в Калининграде жарким. Солнце, которое за десять послевоенных лет успело привыкнуть к серому балтийскому небу, вдруг разогнало облака и принялось палить так, что даже камни мостовых нагревались к полудню. Вода в Преголе стала тёплой, и мальчишки с утра до вечера плескались у старых причалов, ныряя с деревянных свай, оставшихся от немецких складов.

Алексей Колосков, которому шёл тридцатый год, работал в цеху у станка, и жара делала работу невыносимой. Пот заливал глаза, руки скользили по металлу, но он не жаловался. Не умел. За десять лет, прошедших с того апрельского дня, когда они взяли форт № 5, он привык терпеть. Терпел холод в общежитии, терпел голод в первые послевоенные годы, терпел боль, когда по молодости влезал в драки с портовыми грузчиками. Теперь терпел жару.

В один из таких дней, возвращаясь с работы, он увидел афишу. Большой лист бумаги, наклеенный на забор, с крупными буквами:

23 августа. Стадион «Динамо». Первый матч футбольной команды «Пищевик» (Калининград) – «Красная звезда» (Калининград). Начало в 17:00.

Алексей остановился. Футбол. Он помнил футбол – до войны, в деревне под Смоленском, они с Григорием гоняли тряпичный мяч на выгоне. Григорий всегда был заводилой, бегал быстрее всех, бил сильнее. Потом война, потом ничего. А теперь вот – стадион, команда, игра.

Он сорвал афишу, сложил в карман. Вечером показал Григорию.

– Пойдём? – спросил Алексей.

– Пойдём, – ответил Григорий.

Григорий, старший брат, сидел на койке, вытянув больную ногу. Осколок, полученный под Берлином, давал о себе знать, и он хромал, но на ногах держался. Работал на том же заводе, что и Алексей, – слесарем. Жили в соседних комнатах общежития, виделись каждый день.

– А что за команда? – спросил Григорий, беря афишу.

– «Пищевик». При рыбном тресте создали. Говорят, специально для рабочих.

– И кто играет?

– Не знаю. Говорят, набирали из рыбаков, с заводов.

Григорий усмехнулся, отложил афишу.

– Посмотрим. Может, что и выйдет.

До 23 августа оставалось больше месяца, но Калининград уже жил слухами. В очередях за хлебом, в заводских курилках, в портовых кабаках только и разговоров, что о новой команде. Кто-то говорил, что в «Пищевик» пригласили вратаря из Ленинграда, кто-то – что нападающих набирают прямо с рыболовецких судов. Спорили, гадали, делали ставки.

Алексей и Григорий слушали, но в споры не вступали. Они знали одно: 23 августа пойдут на стадион. Всё остальное – детали.

В начале августа на завод пришёл новый мастер – пожилой, седой, с тяжелыми руками. Он видел войну, это чувствовалось. Звали его Пётр Фёдорович. Алексей работал с ним в одной смене, и однажды, после работы, они разговорились.

– Слышал, на футбол пойдёшь? – спросил Пётр Фёдорович.

– Пойду, – ответил Алексей. – А вы?

– А я сам там работаю. Вратарей тренирую.

Алексей удивлённо посмотрел на мастера.

– Вы? Тренер?

– А что? – усмехнулся Пётр Фёдорович. – Я раньше сам играл. В «Динамо», до войны. Потом война, потом всё. А теперь вот, – он махнул рукой, – молодых учу.

– А «Пищевик» – это ваша команда?

– Наша. При рыбном тресте. Я там и вратарей готовлю, и поле смотрю. Только никому не говори, – он подмигнул. – На заводе я мастер. А на стадионе – тренер.

Алексей кивнул. Внутри что-то шевельнулось – не то радость, не то гордость. Теперь он знал, что за команду будет болеть. И кто её готовит.

22 августа, накануне матча, Алексей и Григорий почти не спали. Сидели на крыльце общежития, курили, смотрели на звёзды. Ночь была тёплой, с Балтики тянуло влагой, и где-то далеко, в порту, гудели пароходы.

– Завтра идём, – сказал Григорий. – Первый раз в жизни на настоящий футбол.

– А в деревне? – спросил Алексей.

– В деревне – это так, баловство. А здесь – стадион, команда, судья. Всё по правилам.

Григорий говорил, и в голосе его чувствовалось волнение. Алексей понимал: для брата, который после Берлина жил с болью в ноге и пустотой в душе, этот матч мог стать чем-то важным.

– Дядя Гриша, – сказал Алексей, используя детское прозвище, которое не употреблял годами, – а ты веришь, что «Пищевик» выиграет?

– Верю, – ответил Григорий. – Я всегда верю.

23 августа 1954 года. Стадион «Динамо».

Они пришли за два часа до начала. Григорий шёл, опираясь на палку, но быстро, почти не хромая. Алексей нёс в кармане два билета, которые достал с большим трудом – билеты продавали только в день матча, и он отстоял очередь с пяти утра.

У стадиона уже толпился народ. Мужчины в кепках и пиджаках, женщины в платках, дети на плечах у отцов. Говорят, больше десяти тысяч собралось – при официальной вместимости в двенадцать. Город ждал футбола.

– Ты смотри, сколько народу, – сказал Григорий, оглядываясь.

– Весь город, – ответил Алексей.

Они прошли внутрь, поднялись на трибуну. Места были хорошие – в третьем ряду, у самого прохода, чтобы Григорий мог вытянуть ногу. Рядом сели двое парней в рабочих спецовках, с завода «Янтарь», как они потом узнали.

– Ну, – сказал один, – сегодня узнаем, что за команда.

– «Пищевик» называется, – ответил второй. – При рыбном тресте. Говорят, Петра Захарова тренером взяли.

– Захаров? Это который в «Динамо» играл?

– Он самый.

Алексей слушал, запоминал. Пётр Фёдорович, мастер с завода, оказывается, был тем самым Захаровым, о котором говорили. Он не удивился – скорее обрадовался.

– Слышишь, Гриша? – сказал он. – Наш мастер – тренер.

– Какой мастер?

– Пётр Фёдорович. Он же Захаров. Вратарей тренирует.

Григорий посмотрел на брата, усмехнулся.

– Теперь и на заводе будет о чём поговорить.

За полчаса до начала трибуны заполнились до отказа. Люди стояли в проходах, сидели на ступеньках, висели на ограждении. Алексей насчитал – потом уже, на заводе, узнал точно – больше десяти тысяч человек. При официальной вместимости в двенадцать тысяч.

Поле было зелёным, ровным, с белыми линиями, свежевыкрашенными воротами. На противоположной трибуне висел портрет Сталина, по бокам – красные флаги. Всё было торжественно, по-праздничному.

Из тоннеля показались игроки. Сначала вышли хозяева – «Пищевик». Форма у них была бело-синяя, с буквами «П» на груди. Игроки выглядели неуклюже, неуверенно – многие впервые выходили на стадион. Вратарь, высокий парень в кепке, оглядывался по сторонам, словно искал кого-то среди зрителей.

– Вон, вратарь, – сказал Григорий. – Наш мастер его тренирует?

– Наверное, – ответил Алексей.

Потом вышли гости – «Красная звезда». Их форма была красной, такой яркой, что на солнце казалась огненной. Они выглядели собраннее, быстрее.

Судья в чёрной форме вышел на поле, подозвал капитанов. Жребий. Монета подброшена. «Красная звезда» выбирает ворота.

– Начинается, – сказал Григорий.

Свисток. Мяч в игре.

Первые минуты «Красная звезда» владела мячом, раскатывала комбинации. Игроки «Пищевика» стояли, смотрели, не знали, что делать. На пятой минуте гости создали первый опасный момент – нападающий пробил с линии штрафной, вратарь еле достал.

– Держись! – крикнул кто-то с трибуны, и толпа подхватила: – Дер-жись!

Григорий сидел, вцепившись в трость. Алексей смотрел на поле, не мигая.

На десятой минуте «Красная звезда» снова атаковала. Мяч прошёл по флангу, навес в штрафную, защитник «Пищевика» выбил на угловой. Угловой разыграли коротко, последовал удар – вратарь в кепке снова выручил.

– Молодец, – сказал Григорий. – Стоит как стена.

– Стена, – согласился Алексей.

Но «Пищевик» не только оборонялся. На пятнадцатой минуте полузащитник перехватил мяч в центре, отдал нападающему. Тот пошёл вперёд, обыграл одного защитника, второго, упал, но сумел протолкнуть мяч дальше. Второй нападающий подхватил, пробил – мимо.

– Эх! – выдохнула трибуна.

– Ничего, – сказал Григорий. – Пристреливаются.

На двадцатой минуте «Красная звезда» заработала штрафной у самой штрафной. Игроки поставили стенку, судья свистнул. Удар – и мяч, обогнув стенку, влетел в девятку. Вратарь даже не шевельнулся.

1:0 в пользу гостей.

Трибуны затихли. Алексей сжал кулаки. Григорий ударил тростью по деревянному настилу.

– Не страшно, – сказал он. – Ещё время есть.

– Есть, – повторил Алексей.

Первый тайм закончился 1:0. Игроки ушли в раздевалки, а трибуны загудели. Спорили, ругали судью, обсуждали замены. Кто-то говорил, что вратаря надо менять, кто-то – что нападающие не бегут в атаку.

– Что думаешь? – спросил Алексей Григория.

– Думаю, что наши боятся. – Григорий задумался. – Они не верят, что могут выиграть. Стоят, смотрят, ждут. А надо идти вперёд.

– Как на войне?

– Как на войне, – кивнул Григорий. – Кто не боится, тот побеждает.

Алексей посмотрел на поле. Ему казалось, что он снова в 1945-м, перед штурмом форта. Тоже было страшно. Тоже надо было идти вперёд.

– Выйдут, – сказал он. – Не сдадутся.

Второй тайм «Пищевик» начал с бешеного натиска. Игроки, которых тренер Пётр Захаров настроил в раздевалке, летели вперёд, забыв об обороне. На пятидесятой минуте нападающий, тот самый, что прорывался в первом тайме, получил мяч у штрафной, развернулся, пробил – вратарь отбил, но мяч отскочил к другому нападающему, и тот, падая, сумел протолкнуть его в сетку.

ГОЛ!

Алексей вскочил, закричал. Григорий рядом тоже кричал, хлопал брата по плечу. Вокруг кричали все – незнакомые люди, которые вдруг стали своими. Женщина в платке плакала. Мужчина в кепке обнимал соседа.

– 1:1! – орал Григорий. – Давай ещё!

«Пищевик» поверил в себя. Они пошли вперёд, забыв об обороне. На шестидесятой минуте снова опасный момент – нападающий бил с острого угла, вратарь еле дотянулся. На семьдесят пятой – ещё один удар, штанга.

Григорий вскочил, забыв про больную ногу.

– Ещё! – кричал он. – Ещё!

На восемьдесят пятой минуте нападающий «Пищевика» в синей футболке получил мяч у центральной линии. Он был невысоким, коренастым, с широкими плечами. Алексей потом узнал его фамилию – Петров. В тот момент он был просто парень в синей футболке.

Он пошёл вперёд. Прошёл одного защитника – тот зацепился ногами, упал. Второй попытался отобрать, но нападающий резко ушёл вправо, ускользнув от подката. Третий встретил его у штрафной, они столкнулись, оба упали. Мяч отскочил к центру, но нападающий вскочил первым, догнал, пробил с угла штрафной.

Мяч летел медленно, по дуге. Вратарь «Красной звезды» бросился, но не дотянулся. Мяч задел его пальцы, изменил траекторию и упал в сетку.

ГОЛ!

Алексей не помнил, как оказался на ногах. Он кричал, обнимал Григория, обнимал незнакомого мужика рядом. Трибуны ревели.

– 2:1! – орал Григорий. – Мы выигрываем!

Оставшиеся минуты тянулись бесконечно. «Красная звезда» бросилась отыгрываться, но «Пищевик» держался. Защитники ложились под мячи, вратарь тащил всё, что летело в створ. Григорий стоял, опираясь на трость, и не мог дышать. Алексей смотрел на поле, не мигая.

Финальный свисток.

2:1. Победа.

Алексей опустился на скамейку, чувствуя, как дрожат ноги. Григорий сел рядом, вытер лицо рукавом. Вокруг ликовали, обнимались, плакали.

– Слышишь? – сказал Григорий. – Мы выиграли.

– Слышу, – ответил Алексей.

– Это только начало, – сказал Григорий. – Теперь будет.

Они сидели на трибуне, пока стадион не опустел. Солнце садилось, окрашивая небо в розовый цвет. На поле выбежали мальчишки, начали гонять мяч. Кто-то из игроков, уже переодетый, вышел из раздевалки, улыбнулся, помахал трибунам.

– Запомни этот день, – сказал Григорий. – Может, это начало чего-то большого.

– Запомню, – ответил Алексей.

Домой они шли уже в темноте. Григорий опирался на трость, но шёл легко, почти не хромая. Город гудел. Люди выходили на балконы, кричали, махали флагами. Машины сигналили, водители высунулись из окон, орали: «Пищевик – сила!».

– Слышишь? – спросил Григорий. – О нас говорят.

– О нас? – удивился Алексей.

– О нас, о болельщиках. Мы теперь тоже часть команды.

Они вошли в общежитие. В комнате было темно, только лунный свет пробивался сквозь занавески. Алексей лёг на койку, закрыл глаза. Перед глазами всё ещё было поле, игроки в бело-синей форме, гол, который забил нападающий в синей футболке. И крики, крики, крики.

– Гриша, – сказал он, – а ты веришь, что когда-нибудь «Балтика» будет играть в высшей лиге?

– Верю, – ответил Григорий. – Не сейчас, не завтра. Но будет. Мы доживём.

– Доживём, – повторил Алексей.

Они замолчали. За окном шумел город, где-то лаяли собаки, кричали пьяные матросы. Но в комнате было тихо и спокойно. Впервые за много лет.

На следующий день Алексей пришёл на завод с программкой матча, которую купил у стадиона. Показал товарищам.

– Наш, – говорил он, показывая на фотографию нападающего в синей футболке. – Петров. Забил победный.

– Молодец, – говорили товарищи. – Теперь будем болеть.

После работы Алексей задержался, дождался, пока мастер Пётр Фёдорович – он же тренер Захаров – закончит смену.

– Пётр Фёдорович, – сказал он, подходя. – Спасибо за игру.

Мастер посмотрел на него, усмехнулся.

– Это не я играл. Это ребята. Я только показал.

– А вы верите, что у них получится?

– Получится, – ответил Захаров. – Если будут работать. И если будут такие болельщики, как вы.

Он хлопнул Алексея по плечу и пошёл к выходу. Алексей смотрел ему вслед и думал о том, что, наверное, это и есть счастье. Не когда выигрывают войны. А когда есть команда, стадион, люди, которые кричат «Гол!», и рядом с тобой те, кто разделяет этот крик.

Через неделю Алексей снова пришёл на стадион. «Пищевик» играл с командой из Ленинграда. Григорий, несмотря на больную ногу, был рядом. Ираиды ещё не было – она появится через год. А пока были только братья, стадион, футбол.

– Сегодня выиграем? – спросил Григорий.

– Выиграем, – ответил Алексей.

И они выиграли. 1:0. Гол забил тот самый нападающий Петров.

Алексей кричал, обнимал брата, и ему казалось, что война наконец-то закончилась. Не тогда, когда подписали акт о капитуляции. Не тогда, когда разобрали последние руины. А вот сейчас, когда он сидит на трибуне, рядом с братом, и кричит «Гол!» вместе с десятью тысячами таких же, как он.

– Гриша, – сказал он после матча, – я теперь всегда буду сюда ходить.

– Я с тобой, – ответил Григорий.

Они шли по улице Дмитрия Донского, и Алексей думал о том, что это только начало. Что впереди – новые матчи, новые победы, новые голы. Что когда-нибудь он приведёт сюда жену, потом сына, потом внуков. Что «Балтика» будет жить. Всегда.

Глава 3. 1955. Знакомство Алексея и Ираиды. Их первые совместные походы на стадион

Зима 1955 года выдалась в Калининграде снежной и долгой. Февральские метели замели улицы так, что трамваи встали, а машины тонули в сугробах. Но на стадионе «Динамо» работа кипела. Рабочие в тулупах и валенках расчищали трибуны, вывозили снег с поля, проверяли освещение. Готовились к новому сезону.

Алексей Колосков, как и многие калининградцы, ждал весны. Не только потому, что надоела зима. Потому что с весной начинался футбол. Новый сезон «Пищевика», команды, которую он увидел впервые 23 августа 1954 года и которая навсегда вошла в его жизнь.

– Гриша, – сказал он брату, когда они шли с работы, – скоро футбол.

– Скоро, – ответил Григорий. Он шёл, опираясь на палку, но быстро, почти не хромая. – Ты уже знаешь расписание?

– Ещё нет. Но скоро будет.

Они замолчали. Снег скрипел под ногами, с Балтики тянуло холодом, но Алексею было тепло. Он думал о стадионе, о трибунах, о том чувстве, когда мяч влетает в ворота и десять тысяч голосов сливаются в один крик: «Гол!».

– А ты бы женился, – сказал Григорий неожиданно.

– Что? – Алексей остановился.

– Жениться тебе пора. Тебе тридцать один год. Пора остепеняться.

– А сам?

– А что я? – Григорий усмехнулся. – Я хромой. Кому я нужен?

– И я хромой, – сказал Алексей.

– Ты не хромой. Ты просто глупый.

Григорий сказал это спокойно, без обиды. Алексей посмотрел на брата. Они понимали друг друга без слов. Григорий знал, что Алексей пуст. Что после войны в нём осталась только работа и редкие походы на стадион. Что он не умеет быть с людьми, не умеет говорить о том, что чувствует. Не умеет даже чувствовать.

– Может, на стадионе кого-то встретишь, – усмехнулся Григорий. – Там девушки ходят.

– Ходят, – согласился Алексей. – Но я туда за футболом хожу.

– А ты сходи за футболом, а посмотри по сторонам.

Весна пришла в Калининград в конце марта. Снег сошёл, улицы высохли, и город ожил. На стадионе «Динамо» уже готовили поле к первому матчу сезона. Алексей, проходя мимо, каждый раз замедлял шаг, смотрел, как рабочие ровняют газон, подсыпают песок, белят ворота.

Расписание матчей вывесили в первых числах апреля. Первый домашний матч «Пищевика» был назначен на 15 мая. Соперник – команда из Ленинграда. Алексей, узнав об этом, купил два билета – себе и Григорию.

– Гриша, – сказал он, – 15 мая идём?

– Идём, – ответил Григорий. – А второй билет кому?

– Тебе.

– А мне зачем два? Я же с тобой пойду.

– А это на случай, – сказал Алексей.

Григорий усмехнулся, но спорить не стал. Он знал, что брат иногда делает странные вещи. Это было частью его – необъяснимой, тихой, но твёрдой.

В апреле на заводе, где работал Алексей, случилось событие, которое изменило его жизнь. В столовую пришла новая раздатчица. Невысокая, круглолицая, с тёмными глазами и руками, которые, казалось, пахли тестом даже здесь, среди щей и котлет. Звали её Ираида.

Алексей увидел её в первый же день. Он пришёл на обед, как всегда, взял поднос, суп, кашу, компот. Ираида стояла за стойкой, подавала тарелки, улыбалась. Не ему – всем, но Алексей почему-то запомнил её улыбку.

– Ещё? – спросила она, когда Алексей опустошил тарелку.

– Ещё, – ответил он.

– А деньги есть?

– Есть.

Ираида налила, поставила перед ним, сама села рядом на лавку.

– Ты который здесь работаешь?

– Третий год.

– А на футбол ходишь?

Алексей поднял голову. Вопрос был неожиданным.

– Хожу. А ты?

– А я нет. Но хотела бы. Сводишь?

– Сведу.

Она улыбнулась. И Алексей, который после войны почти не чувствовал ничего, вдруг почувствовал, что внутри что-то шевельнулось. Небольшое, тёплое, живое.

До 15 мая оставалось две недели. Алексей каждый день ходил в столовую, брал обед, садился за столик, ждал, когда Ираида закончит раздачу. Они разговаривали. О работе, о городе, о погоде. О футболе.

– А ты давно ходишь на стадион? – спросила она.

– С прошлого года. С первого матча «Пищевика».

– И тебе нравится?

– Очень. – Он помолчал. – Там чувствуешь себя живым.

Ираида посмотрела на него внимательно. В её глазах было что-то, чего Алексей не мог разгадать. Не жалость, нет. Понимание.

– Я тоже хочу почувствовать, – сказала она. – Живым.

15 мая 1955 года. Стадион «Динамо».

Алексей пришёл за час до начала. Григорий был с ним. Ираида обещала подойти к началу – смена в столовой заканчивалась в четыре, а матч начинался в пять.

– Ну что, – сказал Григорий, когда они устроились на своих местах, – где твоя раздатчица?

– Придёт, – ответил Алексей.

– Ты её хорошо разглядел?

– Разглядел.

– И как?

– Хорошая.

Григорий усмехнулся, достал кисет, начал скручивать цигарку.

– Ты бы ей цветы подарил.

– Какие цветы? – удивился Алексей.

– Обычные. Женщины любят цветы.

Алексей задумался. Он никогда не дарил цветов. После войны ему казалось, что цветы – это для других, для тех, у кого есть дом, семья, будущее. А у него ничего этого не было. И вдруг – появилось.

– Куплю, – сказал он. – На следующей неделе.

Ираида пришла за десять минут до начала. Она была в платке и длинной юбке, стеснялась, оглядывалась по сторонам. Алексей увидел её у входа, спустился, взял за руку.

– Иди за мной, – сказал он.

Он вёл её по проходу, мимо десятков незнакомых людей, которые уступали дорогу, смотрели, улыбались. Григорий, увидев их, встал, подвинулся, освободил место.

– Садитесь, – сказал он. – Места хорошие.

Ираида села, поправила юбку. Алексей сел рядом. Григорий – с краю, вытянув больную ногу.

– Это мой брат, Григорий, – сказал Алексей.

– Очень приятно, – ответила Ираида.

– Взаимно, – кивнул Григорий. – Наш Алексей без футбола не живёт. Теперь и вы будете.

– Буду, – сказала Ираида.

Матч начался. «Пищевик» играл с командой из Ленинграда. Гости были сильнее, опытнее, но наши держались. Ираида смотрела на поле, не понимая, что происходит, но чувствуя напряжение.

– Сейчас наш нападающий пойдёт, – сказал Григорий, показывая на парня в синей футболке.

– Откуда вы знаете? – спросила Ираида.

– Я всё знаю, – усмехнулся Григорий. – Я здесь с 1954 года.

На пятнадцатой минуте нападающий в синей футболке получил мяч, пошёл вперёд, обыграл защитника, пробил. Вратарь отбил, но мяч отскочил к другому нападающему, и тот забил.

ГОЛ!

Алексей вскочил, закричал. Григорий рядом тоже кричал. Ираида, забыв про стеснение, захлопала в ладоши.

– Го-о-ол! – кричала она вместе со всеми.

Алексей посмотрел на неё. Она была счастлива. Её глаза горели, щёки раскраснелись, и в этот момент она была прекрасна.

– Тебе нравится? – спросил он.

– Очень, – ответила Ираида. – Я теперь всегда с тобой буду ходить.

Второй тайм «Пищевик» провёл увереннее. Забили ещё один гол, пропустили один. Матч закончился 2:1. Победа.

Ираида, когда прозвучал финальный свисток, сидела, не двигаясь. Она смотрела на поле, на игроков, которые обнимались, на трибуны, которые гудели.

– Это было что-то, – сказала она.

– Это был футбол, – ответил Алексей. – Настоящий.

Они вышли со стадиона, когда уже стемнело. Григорий шёл впереди, опираясь на палку, насвистывал что-то. Алексей и Ираида шли рядом.

– Я никогда не была на стадионе, – сказала Ираида. – Думала, будет скучно.

– А оказалось?

– Не скучно. Совсем.

Они шли по улице Дмитрия Донского, и город, ещё недавно чужой и холодный, теперь казался другим. Над улицами витал запах моря, где-то играла гармонь, люди шли с флагами, с улыбками.

– Ираида, – сказал Алексей, – ты завтра на работу?

– Завтра, – ответила она.

– А после работы пойдём на стадион? Я слышал, «Пищевик» теперь будет играть каждую неделю.

– Пойдём, – сказала Ираида. – Если возьмёте.

– Возьмём, – сказал Григорий, оборачиваясь. – Теперь мы все вместе.

После того матча Ираида стала ходить на стадион постоянно. Она приходила после работы, переодевалась в сухой платок, садилась рядом с Алексеем и Григорием. Она научилась разбираться в футболе, спорила с Григорием о тактике, кричала на судей. Ираида пекла пирожки – сначала для себя, потом для всех.

– Ираида, – говорили соседи по трибуне, – ты бы рецепт оставила.

– Оставлю, – отвечала она. – Внучке передам. Пусть продолжает.

Алексей смотрел на неё и думал, что, наверное, это и есть счастье. Не когда выигрывают войны. А когда есть стадион, команда, пирожки, которые пахнут домом, и рядом с тобой тот, кто разделяет этот запах.

В июне Алексей решился. Он купил цветы – букет ромашек, недорогих, но свежих. Ждал Ираиду после работы у столовой.

– Ираида, – сказал он, когда она вышла. – Выходи за меня.

Она подняла голову, удивлённо посмотрела на него.

– Что?

– Замуж выходи. За меня.

– Ты с ума сошёл? – она покраснела, оглянулась на других работниц.

– Не сошёл. Я серьёзно.

Ираида молчала. Потом улыбнулась.

– Ладно, – сказала она. – Выхожу. Только пирожки печь не бросай. Болельщикам надо.

Свадьбу сыграли в августе. Скромно, как и положено в те годы. Расписались в загсе, посидели с Григорием, выпили по рюмке. Ираида переехала к Алексею в общежитие, повесила занавески, принесла цветы в горшках.

– Теперь у нас семья, – сказал Григорий, поднимая рюмку. – И футбол в ней – главное.

– Футбол? – удивилась Ираида.

– А что? – Григорий усмехнулся. – Без футбола Алексей не живёт. И ты теперь тоже.

Ираида не спорила. Она действительно полюбила футбол. Каждый домашний матч «Пищевика» Колосковы посещали в полном составе: Алексей, Ираида, Григорий.

Григорий со своей хромотой взбирался на трибуну, садился на своё любимое место у прохода. Алексей и Ираида садились рядом.

– Сегодня выиграем, – говорил Григорий перед каждым матчем.

– Выиграем, – отвечал Алексей.

– Выиграем, – повторяла Ираида.

Осенью 1955 года «Пищевик» играл с командой из Москвы. Матч был тяжёлым, соперник сильным, но наши держались. На трибунах было холодно, и Ираида укуталась в шарф, который связала сама – сине-белый, в цветах команды.

– Не замёрзла? – спросил Алексей.

– Не замёрзла, – ответила Ираида. – Я теперь всегда так хожу. С шарфом.

– Зачем?

– Чтобы знали, что я болельщица.

Алексей улыбнулся. Он вспомнил, как в прошлом году стоял у этого же стадиона, пустой, одинокий, и не знал, что делать с жизнью. А теперь рядом с ним жена, брат, команда, стадион. И всё это вместе называется «дом».

В конце 1955 года, когда сезон закончился и стадион опустел, Алексей, Ираида и Григорий сидели на кухне. Ираида пекла пирожки, Григорий разбирал прошедший сезон, расставлял на столе спички.

– Вот здесь, на тридцатой минуте, – говорил Григорий, – надо было бить, а не пасовать.

– А кто должен был бить? – спросила Ираида.

– Петров. Он же всегда бьёт.

– А он бил, – сказал Алексей. – Не забил.

– Значит, не хотел. А надо хотеть.

Они замолчали. За окном падал снег, крупный, белый, укрывая город. Алексей смотрел на жену, на брата, и думал о том, что это только начало. Что впереди – новые матчи, новые победы, новые голы. Что когда-нибудь у них будет сын, потом внуки, и все они будут сидеть на трибуне и кричать «Гол!». Что «Балтика» будет жить. Всегда.

– Гриша, – сказал Алексей, – а ты веришь, что когда-нибудь «Балтика» будет в высшей лиге?

– Верю, – ответил Григорий. – Не сейчас, не завтра. Но будет. Мы доживём.

– Доживём, – повторил Алексей.

Ираида, слушавшая их, улыбнулась.

– Доживём, – сказала она. – Все вместе.

Глава 4. 1956. Первый успех: выход в класс «Б». Семейные переживания

Весна 1956 года пришла в Калининград неожиданно рано. Ещё в марте лежал снег, но к середине апреля он сошёл, и старый стадион «Динамо» на улице Дмитрия Донского ожил. Рабочие красили скамейки, подновляли разметку, проверяли табло. Новый сезон должен был начаться через месяц, и в городе только и разговоров было, что о футболе.

Алексей Колосков, которому шёл тридцать второй год, возвращался с завода, когда увидел афишу. На этот раз она была не одна – большие листы бумаги были наклеены на заборах, столбах, даже на стенах домов. Крупные буквы гласили:

«Пищевик» в новом сезоне. Борьба за выход в класс «Б». Первый матч – 20 мая. Стадион «Динамо».

Алексей остановился, прочитал афишу дважды. Класс «Б» – это была первая лига. Туда, где играли сильные команды из Москвы, Ленинграда, Киева. Туда, о чём в Калининграде мечтали, но не верили, что это возможно. А теперь – афиша, слова «борьба за выход». Значит, верят. Значит, возможно.

Он сорвал один лист, сложил в карман. Вечером показал Григорию и Ираиде.

– Вот, – сказал он, разворачивая бумагу на кухне. – Выход в класс «Б».

Григорий долго смотрел на афишу, потом усмехнулся.

– Красиво написано. А сыграть как?

– Сыграют, – ответил Алексей. – Должны.

Ираида, сидевшая у окна с вязанием, подняла голову. Она была спокойна, как всегда.

– А ты веришь? – спросила она.

– Верю, – ответил Алексей. – Я всегда верю.

Григорий покачал головой, но спорить не стал. Он тоже верил. Просто по-другому.

Сезон 1956 года «Пищевик» начал уверенно. Команда, которую тренировал Пётр Захаров, играла смело, с настроем. Первый матч – с командой из Ленинграда – выиграли 2:0. Второй – с киевским СКА – 1:0. Третий – с минским «Спартаком» – 3:1.

Колосковы ходили на все домашние матчи. Алексей, Ираида, Григорий – они занимали свои места в третьем ряду, у прохода. Ираида пекла пирожки, Григорий разбирал игру, Алексей кричал громче всех.

– Смотри, – говорил Григорий, показывая на поле. – Вот этот защитник – как стена. Никого не пропускает.

– А нападающие? – спрашивала Ираида.

– Нападающие тоже хороши. Но им не хватает опыта.

– Опыт придёт, – отвечал Алексей. – Главное – желание.

К середине сезона «Пищевик» шёл в лидерах. Каждая победа приближала команду к заветному выходу в класс «Б». На стадионе собиралось всё больше народу. Люди стояли в проходах, сидели на ступеньках, висели на ограждении. Атмосфера была такой, что Алексей, проработавший на заводе десять лет, чувствовал себя молодым и живым.

– Пап, – сказал он однажды Григорию, используя детское прозвище, которое не употреблял годами, – а ты веришь, что мы выйдем?

– Верю, – ответил Григорий. – Ты только смотри и запоминай.

Они смотрели. И запоминали.

В августе случилось то, о чём в Калининграде говорили весь месяц. «Пищевик» играл с главным конкурентом за выход в класс «Б» – командой из Риги. Матч назначили на воскресенье, 19 августа. Билеты раскупили за неделю. Город замер в ожидании.

Алексей проснулся рано. За окном ещё было темно, только фонари освещали пустую улицу. Он прошёл на кухню, налил чаю. Ираида уже сидела за столом, перебирала муку – собиралась печь пирожки.

– Не спится? – спросила она.

– Не спится, – ответил Алексей. – Думаю о матче.

– А что думаешь?

– Думаю, что выиграем.

Ираида улыбнулась, взяла миску, начала месить тесто. Её руки, пахнущие мукой и теплом, двигались легко, уверенно.

– Я тоже думаю, что выиграем, – сказала она. – А если нет?

– Если нет – значит, в следующем году. Но я верю, что сегодня.

Они замолчали. За окном светало, и город просыпался. Где-то лаяли собаки, кричали петухи, слышались голоса людей, идущих на работу. Но для Алексея сегодня был только один путь – на стадион.

На стадион они пришли за два часа. Григорий, несмотря на больную ногу, был в хорошем настроении. Он шёл, опираясь на палку, но быстро, почти не хромая. Ираида несла корзину с пирожками – целую, накрытую чистым полотенцем. Алексей нёс билеты – три, которые достал с большим трудом.

– Ты смотри, сколько народу, – сказал Григорий, когда они подошли к стадиону.

– Весь город, – ответил Алексей.

И правда, народу было – не протолкнуться. Мужчины в кепках и пиджаках, женщины в платках, дети на плечах у отцов. Говорили, что собралось больше пятнадцати тысяч – при официальной вместимости в двенадцать. Город ждал футбола.

Они прошли внутрь, поднялись на свои места. Рядом с ними сели знакомые – те, с кем они сидели на каждом матче. Мужик в кепке, которого звали дядей Петей. Женщина в платке, тётя Клава, которая всегда приносила семечки. Парни с завода «Янтарь», с которыми Алексей иногда курил в перерывах.

– Ну что, – спросил дядя Петя, – сегодня наш день?

– Наш, – ответил Алексей.

– А ты уверен?

– Уверен.

Дядя Петя усмехнулся, достал кисет, начал скручивать цигарку.

– Дай-то бог, – сказал он. – Дай-то бог.

Матч начался ровно в пять. Солнце уже клонилось к закату, и лучи его падали на поле, заливая его золотистым светом. Игроки «Пищевика» в бело-синей форме казались сказочными героями.

С первых минут рижане захватили инициативу. Они были сильнее, быстрее, опытнее. На пятой минуте их нападающий пробил с линии штрафной – вратарь еле достал. На десятой – угловой, суматоха в штрафной, мяч прошёл рядом со штангой.

– Держись! – кричали трибуны. – Держись!

Григорий сидел, вцепившись в трость. Ираида, забыв про пирожки, смотрела на поле широко открытыми глазами. Алексей сжал кулаки так, что побелели костяшки.

На пятнадцатой минуте рижане забили. Быстрая контратака, нападающий вышел один на один с вратарём, пробил – 0:1. Трибуны затихли. Алексей почувствовал, как что-то тяжелое опускается на плечи.

– Ничего, – сказал Григорий. – Ещё время есть.

– Есть, – повторил Алексей, но голос его звучал глухо.

Ираида молчала. Она смотрела на поле, и в её глазах было что-то, чего Алексей не мог разгадать. Не страх, нет. Надежду.

Первый тайм закончился 0:1. Игроки ушли в раздевалки, а трибуны загудели. Спорили, ругали судью, обсуждали замены. Кто-то говорил, что вратаря надо менять, кто-то – что нападающие не бегут в атаку.

– Что думаешь? – спросил Алексей Григория.

– Думаю, что наши боятся. – Григорий задумался. – Они не верят, что могут выиграть. Стоят, смотрят, ждут. А надо идти вперёд.

– Как на войне?

– Как на войне, – кивнул Григорий. – Кто не боится, тот побеждает.

Алексей посмотрел на поле. Ему казалось, что он снова в 1945-м, перед штурмом форта. Тоже было страшно. Тоже надо было идти вперёд.

– Выйдут, – сказал он. – Не сдадутся.

Второй тайм «Пищевик» начал с бешеного натиска. Игроки, которых тренер Пётр Захаров настроил в раздевалке, летели вперёд, забыв об обороне. На пятидесятой минуте нападающий Петров получил мяч у штрафной, развернулся, пробил – вратарь отбил, но мяч отскочил к другому нападающему, и тот, падая, сумел протолкнуть его в сетку.

ГОЛ!

Алексей вскочил, закричал. Григорий рядом тоже кричал, хлопал брата по плечу. Ираида подпрыгнула на скамейке, забыв про стеснение. Вокруг кричали все – незнакомые люди, которые вдруг стали своими.

– 1:1! – орал Григорий. – Давай ещё!

«Пищевик» поверил в себя. Они пошли вперёд, забыв об обороне. На шестидесятой минуте снова опасный момент – Петров бил с острого угла, вратарь еле дотянулся. На семьдесят пятой – ещё один удар, штанга.

Григорий вскочил, забыв про больную ногу.

– Ещё! – кричал он. – Ещё!

На восемьдесят пятой минуте Петров получил мяч у центральной линии. Он пошёл вперёд, обыграл одного защитника, второго, вышел на вратаря. Пробил.

Мяч летел низом, в угол. Вратарь бросился, но не достал.

ГОЛ!

Алексей не помнил, как оказался на ногах. Он кричал, обнимал Григория, обнимал Ираиду. Вокруг кричали все, плакали, смеялись. Женщина в платке, тётя Клава, целовала своего мужа. Дядя Петя махал кепкой.

– 2:1! – орал Григорий. – Мы выигрываем!

Оставшиеся минуты тянулись бесконечно. Рижане бросились отыгрываться, но «Пищевик» держался. Защитники ложились под мячи, вратарь тащил всё, что летело в створ. Григорий стоял, опираясь на трость, и не мог дышать. Алексей смотрел на поле, не мигая. Ираида молилась – тихо, про себя.

Финальный свисток.

2:1. Победа. Выход в класс «Б».

Алексей опустился на скамейку, чувствуя, как дрожат ноги. Григорий сел рядом, вытер лицо рукавом. Ираида плакала.

– Слышишь? – сказал Григорий. – Мы вышли.

– Слышу, – ответил Алексей.

– Это только начало, – сказал Григорий. – Теперь будет.

Они сидели на трибуне, пока стадион не опустел. Солнце садилось, окрашивая небо в розовый цвет. На поле выбежали мальчишки, начали гонять мяч. Кто-то из игроков, уже переодетый, вышел из раздевалки, улыбнулся, помахал трибунам.

– Запомни этот день, – сказал Григорий. – Это история.

– Запомню, – ответил Алексей.

Домой они шли уже в темноте. Город гудел. Люди выходили на балконы, кричали, махали флагами. Машины сигналили, водители высунулись из окон, орали: «Пищевик – в классе «Б»!». Кто-то запускал петарды, хотя до Нового года было далеко.

Алексей шёл рядом с Ираидой, держа её за руку. Григорий шёл впереди, опираясь на палку, насвистывал что-то.

– Ты как? – спросил Алексей Ираиду.

– Хорошо, – ответила она. – Лучше, чем на свадьбе.

– А что было на свадьбе?

– Тоже хорошо, – улыбнулась Ираида. – Но здесь лучше.

Они вошли в дом. На кухне было темно, только лунный свет пробивался сквозь занавески. Ираида зажгла керосиновую лампу, поставила на стол. Григорий сел на своё место, вытянул больную ногу. Алексей сел напротив.

– Ну, – сказал Григорий, – теперь будем играть с лучшими. Как думаешь, выдержим?

– Выдержим, – ответил Алексей.

– А ты? – спросил Григорий, глядя на Ираиду.

– Я? – она удивилась. – Я всегда выдержу.

Они замолчали. За окном всё ещё шумел город, но здесь, на кухне, было тихо и спокойно. Ираида достала пирожки, разложила на тарелке. Григорий взял один, откусил, прожевал.

– Хорошие пирожки, – сказал он. – На счастье.

– На счастье, – повторила Ираида.

Ночью Алексей долго не мог уснуть. Он лежал на койке, смотрел в потолок, слушал, как за стеной спит Григорий, как в соседней комнате возится Ираида. Мысли крутились, не давая покоя.

Он вспоминал 1945 год, когда они с Григорием штурмовали Кёнигсберг. Вспоминал, как сидел у костра, как брат говорил: «Останемся здесь. Город отстроим». Вспоминал 1954-й, первый матч «Пищевика», тот гол, который изменил всё.

И вот теперь – 1956-й. Выход в класс «Б». Первая лига. Лучшие команды страны. Алексей закрыл глаза и представил, как «Пищевик» играет с московским «Спартаком», с киевским «Динамо», с ленинградским «Зенитом». Представил, как они с Григорием, Ираидой сидят на трибуне и кричат «Гол!». И ему стало тепло.

– Гриша, – прошептал он в темноту, – ты веришь, что когда-нибудь «Балтика» будет в высшей лиге?

– Верю, – ответил Григорий. Он не спал. – Не сейчас, не завтра. Но будет. Мы доживём.

– Доживём, – повторил Алексей.

За стеной что-то стукнуло. Может быть, Ираида перевернулась на другой бок. Может быть, это ветер качнул ветви старого тополя. А может быть, это Григорий ответил.

На следующий день газеты вышли с огромными заголовками: «Пищевик» – в классе «Б»!», «Калининградский футбол выходит на новый уровень!», «Победа, которую ждали 30 лет!». Алексей, идя на работу, купил несколько экземпляров. На заводе его встретили улыбками, хлопали по плечу.

– Колосков, – говорили товарищи, – твой «Пищевик»! Молодцы!

– Наши, – отвечал Алексей. – Наши молодцы.

После работы он задержался, дождался, пока мастер Пётр Фёдорович – он же тренер Захаров – закончит смену.

– Пётр Фёдорович, – сказал Алексей, подходя. – Поздравляю. Мы вышли.

Мастер посмотрел на него, усмехнулся.

– Это не я выиграл. Это ребята. Я только показал.

– А вы верите, что у них получится в классе «Б»?

– Получится, – ответил Захаров. – Если будут работать. И если будут такие болельщики, как вы.

Он хлопнул Алексея по плечу и пошёл к выходу. Алексей смотрел ему вслед и думал о том, что, наверное, это и есть счастье. Не когда выигрывают войны. А когда есть команда, стадион, люди, которые верят, и рядом с тобой те, кто разделяет эту веру.

Вечером он пришёл на стадион. Не на матч – матчей больше не было в этом сезоне. Просто постоять, посмотреть. Стадион был пуст, только рабочие готовили поле к зиме. Алексей поднялся на своё место, сел.

– Ну что, – сказал он вслух, – теперь будем играть с лучшими. Как думаешь, Гриша, выдержим?

Ветер качнул пустые трибуны, и Алексею показалось, что кто-то сидит рядом. Невидимый, но тёплый. Он улыбнулся, встал и пошёл домой.

Дома его ждали. Ираида пекла пирожки, Григорий сидел у окна, смотрел на стадион. Алексей сел за стол, взял кружку чая.

– Пап, – сказал он Григорию, – а ты веришь, что когда-нибудь у меня будет сын и он тоже будет болеть?

– Будет, – ответил Григорий. – Обязательно будет.

– А ты? – спросил Алексей Ираиду.

– Буду, – сказала она. – Я всегда буду.

Они замолчали. За окном темнело, где-то вдалеке светился стадион. Алексей смотрел на него и думал о том, что это только начало. Что впереди – новый сезон в классе «Б». Что будут новые победы и новые поражения. Но главное, что они вместе. Что они – Колосковы – здесь, на этой трибуне, в этом городе.

– Ираида, – сказал Алексей, – а ты знаешь, что я люблю тебя?

– Знаю, – ответила она. – А я тебя.

Григорий, сидевший у окна, усмехнулся.

– Ну вот, – сказал он. – Теперь у нас есть всё. Семья, футбол, вера. Больше ничего и не надо.

– Не надо, – согласился Алексей.

Он допил чай, поставил кружку, подошёл к окну. За окном светился стадион, и ему казалось, что он видит поле, трибуны, игроков. И слышит крики: «Гол! Гол! Гол!».

– Гриша, – сказал он, – а ты веришь, что когда-нибудь «Балтика» будет в высшей лиге?

– Верю, – ответил Григорий. – Не сейчас, не завтра. Но будет. Мы доживём.

– Доживём, – повторил Алексей.

Ираида, подошедшая к ним, взяла его за руку.

– Доживём, – сказала она. – Все вместе.

Глава 5. 1959. Ближе всех к высшей лиге. Драматичный матч

Весна 1959 года пришла в Калининград неожиданно рано. Ещё в марте снег лежал на трибунах стадиона «Балтика» серыми, грязными островами, но к середине апреля он сошёл, и поле, которое всю зиму простояло под снежным одеялом, вдруг зазеленело – пробивалась робкая, ещё тонкая, но уже упрямая трава.

Алексей Колосков, которому шёл тридцать пятый год, сидел на своём обычном месте – в третьем ряду западной трибуны, у самого прохода, чтобы брат Григорий мог свободно вытянуть больную ногу. Рядом, поправляя на коленях плед, пристроилась Ираида. Она всё ещё стеснялась громко кричать на стадионе, но глаза её горели, и когда мяч подходил к чужим воротам, она незаметно сжимала кулаки.

Григорий, старший брат, сидел с краю, опираясь на палку. Ему было сорок один, но выглядел он старше – война, осколок в ноге, который так и не вырезали, тяжёлая работа на заводе сделали своё дело. Но сегодня он был оживлён, даже весел.

– Слышал новость? – спросил он, когда они устроились.

– Какую? – Алексей достал из кармана программку, развернул.

– «Балтику» в новом сезоне будет тренировать Щербинский. Владимир Щербинский.

– Это который из Ленинграда?

– Он самый. Говорят, мужик с характером. В прошлом году «Трудовые резервы» в Ленинграде поднял.

– А у нас что, плохо было? – спросила Ираида, оглядываясь на мужа.

– Было неплохо, – ответил Алексей. – Но теперь, говорят, будет лучше.

Григорий усмехнулся, постучал палкой по деревянному настилу трибуны.

– Всё будет хорошо. Я чувствую.

– Ты всегда чувствуешь, – заметил Алексей.

– А ты всегда сомневаешься.

Они переглянулись, и оба улыбнулись. Это был их старый спор, который тянулся с детства, ещё с довоенных времён, когда они гоняли тряпичный мяч на деревенском выгоне. Григорий всегда верил в победу, Алексей – всегда ждал подвоха. И оба были правы по-своему.

Новый сезон «Балтика» начала с оптимизмом. Команду, которая в предыдущие годы балансировала между середняками и аутсайдерами, усилили молодыми игроками. Вратарь, которого привезли из Москвы, – высокий, невозмутимый, в новой вратарской форме – уже на предсезонных тренировках вызывал восхищение.

– Смотри, – говорил Григорий, показывая на поле, где разминались игроки. – Этот парень будет стоять как стена.

– Посмотрим, – отвечал Алексей.

Первый матч сезона «Балтика» играла дома, с командой из Риги. На стадион пришло почти десять тысяч человек – для апреля, для буднего дня, это было много. Колосковы, как всегда, пришли рано, заняли свои места, развернули газеты, чтобы сидеть не на голых досках.

Матч начался с атак гостей. Рижане, в белой форме, с ходу взяли мяч под контроль, стали раскатывать комбинации. «Балтика» играла осторожно, от обороны. На двадцатой минуте рижский нападающий прорвался по левому флангу, прострелил, и защитник, пытаясь выбить, срезал мяч в свои ворота. 1:0 в пользу гостей.

Григорий крякнул, постучал палкой.

– Ничего, – сказал он. – Только начало.

Алексей промолчал, но Ираида, сидевшая рядом, заметила, как он сжал кулаки.

В перерыве Григорий, как всегда, разбирал игру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.